звания) даст достаточно полную картину основных тем и достижений по машинному переводу. Показательно, что СССР, согласно этим данным, занимает по разработке указанных проблем первое место — 172 работы принадлежит советским ученым.

Изданный справочник безусловно полезен и нужен. Он в некоторых отношениях выгодно отличается от более теоретического, но менее объективного обзора по тем же темам, написанного И. Бар-Хиллелом³; форму организации подаваемой литературы также следует считать вполне удачной. Однако составителям можно сделать ряд упреков. Автор сообщает не всегда точные сведения (в частности, о советских исследователях, работающих в отдельных коллективах). Запись и обработка статей и докладов не в должной мере единообразна; не все издания аннотированы. В разделе, посвященном машинному переводу, приводятся статьи о построении информационных языков⁴, и, наоборот, в первом разделе мы находим работы различных ученых о машинном переводе.

В заключение отметим, что выход в свет этого необходимого справочника еще раз указывает на насущную потребность в создании и выпуске двух достаточно полных и серьезных изданий, посвященных рассматриваемым проблемам: 1) полной библиографии работ по применению машин для обработки языковых текстов; 2) исследования монографического характера, обобщающего все достижения по этим вопросам за последние 10 лет.

Т. М. Николаева

М. Ф. Фазылов. Изобразительные слова в таджикском языке. Отв. ред. В. А. Лифшиц. — Сталинабад, 1958. 188 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Тадж. ССР).

За последние годы на Восточном факультете Ленинградского ун-та защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных исследованию особой группы слов в восточных языках, именуемых то как изобразительные, то как звукоподражательные, то как междометные (таджикский язык, корейский, монгольский, туркменский). «Изобразительными» называются подобные слова и в одной из очень интересных теоретических работ Д. В. Бурриха¹, а также и в рецензируемой книге.

М. Ф. Фазылов поставил перед собой задачу систематизировать изобразительные слова, употребляемые в современном таджикском

языке и в одном из таджикских говоров (канибадамском), а также определить место этой группы слов в составе таджикской грамматики. В словаре, занимающем более половины всей работы (стр. 63—140), приводится большое количество изобразительных слов, подкрепленных многочисленными примерами из произведений современных таджикских писателей. Несколько менее убедительными, в какой-то мере искусственными в силу своего однообразия, представляются примеры из родного для автора книги канибадамского говора, приводимые здесь для сравнения. Следовало бы эти примеры из словарных статей перенести в приложение (первое), где автором даны примеры из другого, близкого канибадамскому, говора Чорку, а также примеры из трех говоров юго-восточной группы — ховалингского, тавильдаринского и калайхумбского².

Приложение второе (стр. 161—185) содержит материалы для словаря изобразительных слов узбекского языка, почерпнутых из современной узбекской лит-ры.

Книга «Изобразительные слова в таджикском языке» делится на ряд небольших глав, в которых последовательно рассматриваются семантические и фонетические особенности изобразительных слов, морфологические аффиксы изобразительных слов, образование имен существительных и прилагательных от этих слов, изобразительные слова в предложении и две небольшие главы, в которых таджикские изобразительные слова сравниваются с такими же в узбекском и русском языках.

Как можно видеть по этому перечню, материал дает представление о различных функциях и формах изобразительных слов в таджикском языке. Наиболее сильной и оригинальной частью работы представляются главы, посвященные семантике и фонетике изобразительных слов, а также глава об аффиксации. Интересны наблюдения и выводы автора относительно той роли, которую играет характер гласного и согласного звуков в изобразительных словах для передачи различных оттенков природных звуков и шумов: «*man-man*, — пишет автор, — не означает просто „стук“, а изображает определенные звуки: удар твердым предметом о что-либо мягкое... *Туқ-туқ* — с гласным *y* — передает звук, также образующийся при ударе деревянным предметом о твердую поверхность, но не пламя, а только концом предмета» (стр. 31). Интересно замечание автора о том, что изобразительные слова с гласным *y* образуют сравнительно небольшую группу слов, причем гласный *y* в этих словах почти не встречается, а гласный *e* не отмечен вовсе (стр. 33).

Приводимая автором семантическая классификация изобразительных слов вполне удовлетворительна; именно эта классифи-

³ Y. Bar-Hillel, Report on state of machine translation in the United States and Great Britain, Jerusalem, 1959 [mimeogr. изд.].

⁴ См., например, В. Я. В. Иванов, Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины, сб. «Материалы по машинному переводу», I, Л., 1958.

¹ Д. В. Буррих, К проблеме изобразительной речи, «Уч. зап. Карело-фин. гос. ун-та», т. III, вып. I (1948), 1949.

² К сожалению, примеры из говоров тавильдаринского и калайхумбского содержат неточности, к тому же нет никаких указаний на то, где и от кого они записаны, что также снижает достоверность.

кация, предложенная автором, в настоящее время принята в школьных и вузовских грамматиках таджикского языка.

Менее убедительной представляется нам глава, посвященная образованию имен существительных и прилагательных от изобразительных слов. В особенности спорным является утверждение автора об образовании от изобразительных слов прилагательных и возникновении у них функций определения (стр. 35, 48). В качестве примеров изобразительного прилагательного автор приводит два слова: *гарч* «скрипящий» и *шалақ* «распатанный», но при этом неясно, на каком основании автор относит последнее из них в ряд изобразительных слов, отмечая тут же факт изменения слова *шалақ* по степеням сравнения. Поскольку же нет оснований считать слово *шалақ* изобразительным словом, постольку нельзя делать и общий вывод о том, что изобразительные слова могут изменяться по степеням сравнения. Что же касается утверждения автора о том, что изобразительные слова могут выступать в функции определения (стр. 48), то и здесь следовало бы говорить об этом менее категорично и не ставить эту функцию изобразительных слов в один ряд с их более важной функцией — выражением обстоятельства образа действия. Это в равной мере относится и к другим функциям, приписываемым автором изобразительным словам, а именно — к выражению прямого или косвенного дополнения (стр. 48).

Д. В. Бубрих в упомянутой выше работе писал, что такие слова, как *голос*, *звук*, выступают при изобразительных словах с ослабленной семантикой, как бы «держателем» изобразительного слова. Это положение хорошо прослеживается на материале таджикских изобразительных слов: *садои гумбур-гумбур* «звук грохота, грохот», *садои шағ-шағ боридани жсла* «звук падения с шорохом града», *свои чарс-чарс сўхтани хезима* «звук треска горящих дров». В подобных примерах слова *садо*, *овоз* («воз») «звук, голос» выступают не как определяемые, а как «держатели» изобразительных слов, не имея самостоятельного значения. Примеров же употребления изобразительных слов в качестве определения без слов *овоз* или *садо* чрезвычайно мало.

Во введении к своей работе автор приводит довольно обширное извлечение из грамматики разговорного кабули (афганско-персидский) Фархад³, касающегося изобразительных слов. В дальнейшем исследовании автор много раз ссылается на кабули. Однако автор обходит молчанием ряд работ, в которых также нашло свое отражение описание изобразительных (звукоподражательных) слов и приводятся многочисленные примеры из других иранских языков или говоров таджикского языка. Среди подобных работ можно назвать «Ягнобские этюды» К. Г. Залема-

на (корректурные листы хранятся в Архиве Института востоковедения АН СССР, и недавний экземпляр этой работы был опубликован Бенвенистом⁴), где приводится большое число изобразительных слов с суффиксом *-аст* в ягнобском языке. Эти же словами с суффиксом *-аст* интересовался и М. С. Андреев⁵, а также В. Иванов, отметивший этот суффикс в одном из старых литературных памятников⁶. Указанный суффикс описан и в работах по каратегинским и дарвазским говорам таджикского языка. Мы особо отметили эти работы, поскольку их авторы специально подчеркивают наличие суффикса *-аст* в звукоподражательных словах. Этот же суффикс встречается и в некоторых группах осетинских слов. Все это лишний раз подкрепляет выдвинутую рядом авторов гипотезу о том, что юго-восточные говоры таджикского языка вобрали в себя некоторые элементы из восточно-иранских языков, что способствовало своеобразию этих говоров по сравнению с северо-западными говорами (в этих говорах изобразительные слова оформляются суффиксом *-ос/ -ас*, который закрепился и в литературном таджикском языке). Этот интересный вопрос не нашел отражения в работе М. Ф. Фазылова, который даже не упоминает о суффиксе *-аст*, хотя в примерах из юго-восточных говоров, приведенных им в приложении, имеется целый ряд слов, оформленных суффиксом *-аст*.

В одной из последних глав, рассматривая таджикские изобразительные слова сравнительно с узбекскими, автор приходит к правильному выводу о большой близости этих слов в обоих языках, как по своим формам и фонетическому облику, так и по синтаксическому употреблению. Вместе с тем М. Ф. Фазылов указывает и на те особенности, которые отличают таджикские изобразительные слова от узбекских.

Последняя, восьмая, глава посвящена рассмотрению изобразительных слов в таджикском и русском языках. Здесь автор делает попытку передать авторские ремарки к последнему действию «Вишневого сада» А. П. Чехова на таджикском языке. Однако этот перевод, принадлежащий М. Ф. Фазылову, нельзя считать адекватным оригиналу. Автор вообще придерживается той точки зрения, что изобразительные слова занимают скромное место в русской лексике, в языке художественной литературы и почти полностью отсутствуют в бытовой речи взрослых русских (стр. 59). Мне представляется, что этот вопрос следует рассматривать, исходя из различных стилей и жанров того или иного языка, и в частности русского. Так, в русской ли-

⁴ E. Benveniste, Un lexique du yagnobi, «Journal asiatique», t. CCXLIII, fasc. 2, 1955.

⁵ М. С. Андреев. По этнологии Афганстана. Ташкент, 1927, стр. 91.

⁶ W. Ivanow. Tabaqat of Ansari in the old language of Herat, «Journal of the Royal Asiatic Society», pt. I, II, 1923.

³ A b d u l - G h a f ũ r F a r h ā d i, Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du kaboli, Paris, 1955.

тературе для детей изобразительные слова встречаются на каждой строчке: *Дили бом, дили бом, загорелся кошкнн дом!*...; *а оттуда «пых!»*; ср. также произведения К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто и др. Сюда же относятся и басни Крылова или такой, например, рассказ, как «Ю-Ю» А. Куприна. Но не только в детской литературе мы находим изобразительные слова, и у русских классиков можно найти множество примеров употребления изобразительных слов⁷. При этом следует отметить, что до сих пор не установлено, к какой категории частей речи относятся изобразительные слова в русском языке, отсутствует и единая терминология. Одни авторы относят эти слова к междометиям, выделяя группу звукоподражательных слов, другие — к глагольным междометиям. Во всяком случае этот вопрос привлечет еще неоднократно внимание исследователей.

Книга М. Ф. Фазылова по-новому освещает всю проблему изобразительных слов. Основанная на большом материале эта книга представляет ценный вклад в таджикское языкознание и представит большой интерес не только для лингвистов, но и для широких кругов лингвистов.

А. З. Розенфельд

«On Translation». Ed. R. A. Brower.— Cambridge (Mass.), Harvard university press.—1959. 297 стр. («Harvard studies in comparative literature founded by W. H. Schofield», 23).

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, посвященных переводу в самом широком смысле этого слова и рассматривающих его с разных точек зрения. В предисловии редактора перевод определяется как одна из основных проблем человеческого общения: та или иная форма перевода обязательно предполагает не только изучение иностранного языка и овладение родным языком, но и всякое выражение и сообщение мыслей, всякое усвоение выраженного другими, всякое приобретение опыта. Поэтому вполне понятна необходимость рассмотрения перевода с точек зрения: 1) сравнительного литературоведения, 2) истории мысли и культуры, 3) философии (собственно, «лингво-философии», или философии языка) и 4) языкознания.

Книга подразделяется на три части: 1) «Переводчики о переводе» (стр. 11—133); в эту часть включены конкретные исследования переводов в виде отчетов их авто-

ров — выдающихся переводчиков с разнообразных языков и в различных жанрах; 2) «Разные подходы к проблеме» (стр. 137—267); сюда входят статьи, в которых в обобщенно-теоретическом виде разбираются проблемы, затрагивавшиеся лишь в связи с анализом конкретного материала в работах первой части. Широкий охват разных подходов, включение таких крайних аспектов, как истолкование художественного творчества в различных культурно-исторических контекстах, с одной стороны, и опыты машинного перевода, с другой — вот то основное, что характеризует статьи, включенные в эту часть; 3) «Аннотированная библиография работ по теории перевода» (стр. 271—297) составлена в хронологическом порядке — от выдержек из Цицерона и Горация до «Тезисов Конференции по машинному переводу» (состоявшейся в Москве в мае 1958 г.). В кратком предисловии автор библиографии Б. К. Морган дает характеристику эволюции взглядов на перевод и основных направлений в теории как прозаического, так и поэтического перевода. Он находит возможным свести все разнообразие высказываний, содержащихся в собранной и аннотированной им литературе, к следующим трем тезисам: 1) хороший перевод требует знания иностранного языка и его реалий и искусного владения тем языком, на который переводят, потому что перевод в такой же мере является произведением искусства, как и оригинал; 2) в своей работе переводчик может руководствоваться только собственным вкусом и полагаться только на свой талант, так как он лишен объективных критериев для определения характера воздействия оригинала на первоначальную аудиторию и, следовательно, для объективного определения того, насколько воздействие его «версии» соответствует тому, какое имел на своих читателей или свою публику оригинал, и 3) подобно актеру, переводчик обращается к живой современной аудитории, почему модернизация переводов является совершенно необходимой.

Переходя к критическому рассмотрению первой и второй частей книги, представляется целесообразным не придерживаться принятого в ней порядка и сгруппировать статьи следующим образом: 1) проблемы перевода художественной литературы и особенно поэзии. Сюда надо будет отнести, во-первых, статьи, трактующие общие вопросы теории художественного перевода (т. е. разнообразные вопросы, связанные с интерпретацией художественных произведений), и, далее, связанные с этой проблемой различные конкретные вопросы — рассмотрение традиций художественного перевода, преобладающих в тот или иной исторический период, и т. п.; 2) лингво-философский и лингвистический аспект перевода, начиная от общесемасиологических вопросов, затем переходя к вопросам сопоставления конкретных языков и кончая специфическими задачами «автоматического» перевода.

Большая часть статей сборника посвящена первой из этих проблем, т. е. пробле-

⁷ Большое количество примеров приводится в специальной работе А. П. Германовича «Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка», «Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XII, 1947, а также в книге В. А. Третьякова «Современный русский литературный язык. Морфология», Л., 1957, стр. 171—174, 274—276; в книге «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», Изд-во МГУ, 1952, стр. 491—493.